

ГОРЬКИЙ — Д. М. ХАИТ

Давид Маркович Хаит (р. 1899) переписывался с Горьким в 1927—1930 гг., посылая ему на отзыв свои произведения — повесть «Бурьян», роман «Семья Бориса Брондеса».

Ниже публикуются пять писем Горького к Хаиту. Отрывки из писем опубликованы в воспоминаниях Хаита «Письма из Сорренто». — «Лит. газета», 1938, № 18, от 30 марта.

1

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

⟨Сорренто. 1 марта 1927 г.⟩

Д. Х а и т у

Мне кажется, что вам следует серьезно заняться изучением русского языка, чтоб избавиться от таких неблагозвучных словосочетаний как: «решили не пить», «чтобы ничто», «чаще щупал» и т. д. Таких и подобных «описок» в книжке вашей¹ не мало, и, согласитесь, они язык ваш не украшают.

Затем: на двух страницах вы *пять* раз начинаете фразы словом «когда». Не думаю, чтоб это свидетельствовало о бедности вашего лексикона, но, кажется, это говорит о небрежности работы. Общий тон книжки несколько «кинематографичен», а это, местами, портит серьезность темы, придавая повести окраску фельетона.

Главный недостаток — язык. Я бы вам очень рекомендовал внимательно прочитать Лескова, Чехова и Бунина как знатоков великорусской речи и пуристов в отношении к языку.

Хорошо чувствуется, что материал у вас обильный, своеобразный, — это тем более обязывает вас к серьезнейшей работе над «стилем».

Будьте здоровы.

А. П е ш к о в

29.II.27². Sorrento.

¹ В письме от 10 февраля 1927 г. Хаит писал: «Шлю на ваш строгий и справедливый суд одну из первых своих повестей — „Бурьян“» (АГ). См. Д. М. Х а и т. Бурьян, повесть. М., 1927.

² По-видимому, у Горького описка: в феврале 1927 г. было 28 дней.

2

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

⟨Сорренто. 12 ноября 1927 г.⟩

Давиду Х а и т

Вы должны были написать к «Семье Брондес» маленькое предисловие¹ и заявить в нем, что первая часть этого романа была уже напечатана десять месяцев тому назад отдельным изданием. А так вы рискуете полу-

ОБЛОЖКА ОТДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ ПОВЕСТИ ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ» (Л., 1926)

Рисунок Б. М. Кустодиева

читать упрек в том, что вами одна и та же книга выпущена под разными названиями.

Мне кажется, что по поводу «Бурьяна» я вам советовал обратить внимание на небрежность и сухость вашего стиля и на плохое знание языка. Недостатки эти остались у вас в полной силе.

Нельзя писать: люди «шли, изнуренные шинелями», «они шли по гористым лестницам», «сжавшийся, как бумага» вместо — смятый, измятый, «поднимал на мускулах тяжести», «стоял рассвет», «сидел на двери» — разве дверь лежала на земле? — «живут медведи и устраивают погромы».

Вся книга испещрена такими небрежностями.

На стр. 40-й — событие невероятное: пристав должен был арестовать Брондеса за разбрасывание прокламаций; совершенно не объяснено, почему он этого не сделал.

На книге лежит неприятный отпечаток работы торопливой, не продуманной.

Затем: совершенно излишен грубейший натурализм: ребенок ест свой кал и т. п.

А. Пешков

12.XI.27.

¹ 20 октября 1927 г. Д. М. Хаит послал Горькому свой роман «Семья Бориса Брондеса» (Харьков, «Пролетарий», 1927). Роман состоял из двух частей: первая часть — «Бурьян» (М., «Новая Москва», 1927), ранее опубликованная отдельным изданием, и вторая часть, вновь написанная, — «Муть».

3

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

<Сорренто. 12 ноября 1927 г.>

Прочитал «Кровь»¹.

Это — определенно плохая вещь. К тому же это — вариант «Семьи Брондес». Лазарь — тот же Брондес, он так же топчет ногами карту, как Брондес, так же бит сыном, так же истеричен и даже, как Брондес, говорит: «Айвазовский». Леонид — Исидор, Абрам — Илья. Плюют в «Крови», как в «Семье». Такой же грубый натурализм. И — неточности: человек стоит на пристани в Нижнем и чувствует ветер «из Жегулей». Этот ветер называется «низовой» и Жегули здесь не при чем. Надпись на стене набережной: «Чаль за кольца, решетку береги, стены не касайся». У вас она перепутана

Дети едят суп «насупившись». Вы пишете: «ты не досчитывал своих волос»; во-первых, — не досчитывался, во-вторых: кто же это считает свои волосы?

Художник у вас пишет при огне, это — сомнительно, а все его рассуждения о технике дела еще более сомнительны.

Повесть — растянута. Фигуры Иветты, Ольги — не ясны. Нельзя — по-русски писать: «долго ищет галоши и молвит».

И, как в «Семье», все плюют.

Очень, очень плохо. Вам необходимо учиться русскому языку, если вы хотите серьезно писать.

А. Пешков

12.XI.27.

¹ Одновременно с романом «Семья Бориса Брондеса» Хаит послал Горькому свою повесть «Кровь» (Сб. «Недра», 1927, № 12, стр. 175—237).

4

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

<Сорренто. 29 ноября 1927 г.>

Давиду Хаит

Мне думается, что литературное дарование у вас есть и, по некоторым признакам, оно могло бы развиваться весьма своеобразно. К числу этих признаков я отношу проявленную вами кое-где сжатость изложения, быстроту действия и, пожалуй, живость диалога¹.

Но у вас — на мой взгляд — отсутствует существенно важное: знание языка, его точность, пластичность и — красочность. Это — недостаток, который неизбежно будет мешать вам в работе претворения вашего опыта в живые, убедительные для читателя образы и картины.

Уклон ваш к натурализму тоже, разумеется, недостаток. Натурализм это — покорность фактам, подчинение вашей творческой воли давлению действительности. Ведь вы, человек, с действительностью не согласны? А тогда, почему же вы, художник словесного искусства, подчиняетесь ее насилию над вами? Художник должен жить не в действительности и, конечно, не в стороне от нее, а над нею. Тогда-то он и найдет в ней то существенное, что даст ему неоспоримо ценный материал для подлинного искусства.

Вы торопитесь писать, но «хорошо — скоро не бывает». Возьмем пример — Бабеля. Буденный украшает своих солдат и лошадей своих извне, — Бабель украсил их изнутри. Подумав <над> этим, вы, надеюсь, согласитесь

с Бабелем, потому что ведь его солдаты «Конармии» больше люди, чем солдаты Буденного².

Всем известно, что человек не очень хорош. Но интересен, важен, дорог он не этим, а тем, что и хочет, и может быть хорошим. Старик Брондес именно таков. Но вы его засорили, засыпали неудачными словами. И не только его.

Вам надобно свирепо учиться. Читайте. Посмотрите, какой отличнейший язык у М. Пришвина в его «Охоте за счастьем»³, у Сергеева-Ценского, у Бунина в рассказах 6-го—14-го годов. Читайте и стариков. Познакомьтесь со словарем Даля, с «Великороссом» Шейна⁴. Вообще — читайте, вслушивайтесь в живую речь.

Всех благ.

А. Пешков

29.XI.27.

Sorrento

¹ В письме от ноября 1927 г. Хаит спрашивал Горького:

«Вы пишете: „необходимо учиться русскому языку, если вы хотите серьезно писать“. Ну, а вы, Алексей Максимович, не хотите, чтобы я серьезно писал? <...> Я прошу вас сказать мне: есть ли у меня что-нибудь, кроме недостатков? <...>

Отсутствие ответа на это письмо я пойму как знак вашего отрицательного отношения к моему творчеству.

На этом письме Хаита пометка Горького: «Отв. 29.XI» (АГ).

² О полемике между Горьким и Буденным по поводу «Конармии» Бабеля см. в этом томе переписку Горького с Бабелем и Вишневским.

³ М. Пришвин. Охота за счастьем. Собр. соч., т. I. М.—Л., Госиздат, 1927 (с предисловием Горького).

⁴ П. В. Шейн и в. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1—2. СПб., 1898—1900.

5

ГОРЬКИЙ — ХАИТУ

<Сорренто. 21 января 1930 г.>

Д. Хаит

На мой взгляд «Алагирная улица»¹ перегружена словами. Вы загромождали фабулу втрое большим количеством слов и сделали книгу скучной. Будь она короче, она была бы интересней. Драма отца не так уже нова, слишком использована — точнее: скомпрометирована — текущей литературой, и вам следовало бы отнестись к ней строже. Тем более, что вы взяли эту драму как «частный случай», а не как явление, типичное для наших дней.

Книга написана стилем переводов В. Гюго, это — тоже плохо.

Вы говорите, что язык Лескова «не органичен», носит характер «сказа». Стилль и язык нужно различать. Я указывал вам на Лескова как на исключительного знатока великорусской речи, как на литератора с богатейшим лексиконом. У вас язык беден. Вы часто повторяетесь, говорите одно и то же, одними и теми же словами.

И печатаете много. Надобно много писать, а печатать — поменьше.

Всего доброго.

А. Пешков

21.I.30.

¹ Давид Хаит. Алагирная улица, повесть. М., «Недра», 1930.